

Лихорадочный жар не отпускал, и Лу Силай, опираясь на костыль, ковылял прочь, чувствуя себя с каждым шагом всё более жалко. Он бежал от шума, стремясь в тишину, и в конце концов в небольшом саду отыскал идеальное укрытие — укромную расщелину в декоративной горке камней. Ликуя от такой удачи, он поспешил к ней, предвкушая, как через мгновение сможет заняться своим «многострадальным достоинством» и унять ноющую боль, но внезапно чья-то рука преградила ему путь.

Лу Силай поднял взгляд и едва не взвыл от отчаяния. Перед ним, мрачный как грозовая туча, стоял Янь Шэнь.

— Куда это ты собрался? — глухо обронил тот.

«Господин премьер-министр, этот раб и так из-за вас настрадался! Вам что, уже и рук моих жалко?»

Лу Силай в безмолвной муке воззрился на небеса, но из пересохшего горла не вылетело ни звука.

Янь Шэнь же, напротив, оторопел, увидев лицо своего спутника. В холодном лунном свете покрасневшие щеки и затуманенный взгляд Лу Силая придавали ему странную, почти пугающую томность.

Пока премьер-министр пребывал в замешательстве, Лу Силай, налегая всем телом на его руку, попытался прорваться к камням. Наконец в голове Янь Шэня что-то прояснилось.

— Что с тобой? — спросил он.

«Я... я...» — Лу Силай едва не выпалил: «Господин премьер-министр, не соблаговолите ли вы отдаться мне прямо здесь?» — но память о недавних побоях, едва не стоивших ему жизни, быстро охладила этот порыв.

Янь Шэнь смотрел на него — взмыленного, с влажным блеском в глазах, похожего на обиженную девицу. По его коже пробежали мурашки: он внезапно вспомнил, что перед ним за прохвост. Брезгливо отпрянув, он позволил Лу Силаю шмыгнуть в расщелину.

Оставшись снаружи, Янь Шэнь выпрямился, стараясь сохранять невозмутимый вид, но сдавленные, прерывистые вздохи, доносившиеся из-за камней, то и дело проникали в его сознание, отдаваясь странным эхом.

«Что за нелепость», — Янь Шэнь тряхнул головой и уставился на сияющий в ночном небе диск луны, словно надеясь, что его холодный свет остудит пылающее лицо.

Вскоре из глубины каменного грота донесся долгий, тяжелый выдох.

Янь Шэнь невольно выдохнул в унисон, а когда осознал это, густо покраснел.

Спустя минуту Лу Силай выбрался наружу. Он потирал живот с таким довольным и умиротворенным видом, будто только что плотно пообедал.

Пытаясь скрыть неловкость, Янь Шэнь нахмурился:

— Бесстыдник!..

Лу Силай замер, а затем вскинулся, ничуть не смутившись:

— Будто я сам этого хотел!

«Не из-за тебя ли, Янь Шэнь, я пришел на этот «пир в Хунмэне»? Не ты ли распустил хвост перед наследным принцем, из-за чего я теперь крайний?»

Янь Шэнь, чувствуя свою вину, неловко отвернулся.

— Если тебе здесь не по себе, давай вернемся в поместье.

Лу Силай не привык подолгу держать обиду. Заметив, как смягчилось выражение лица собеседника и в глазах промелькнуло раскаяние, он окончательно остыл и с сомнением спросил:

— Это же «пир в Хунмэне», ловушка. Разве тебе можно уйти посреди банкета? — Видя, что Янь Шэнь погрузился в раздумья, Лу Силай великодушно махнул рукой: — Иди. Я побуду здесь.

Он рассудил здраво: если даже встреча со старым «знакомым» обернулась такими интригами, то попадись он на глаза принцу еще раз — и костей не соберет.

Янь Шэнь уже собрался уходить, но внезапно замер. Он вспомнил, как яростно искал этого человека, собираясь обрушить на него весь свой гнев за внезапное исчезновение, но теперь злость приобрела какой-то иной, непонятный привкус. В душе воцарилось смятение.

— Лу Силай, не смей больше меня бросать, — тихо произнес Янь Шэнь, прикрыв глаза.

Лу Силай едва не поперхнулся воздухом. Его характер был крепок, но сердце — мягко, как перезрелый фрукт. Он мог отвечать грубостью на грубость, но стоило кому-то проявить слабость или искренность, как он терялся. Глядя на такого Янь Шэня, он почувствовал себя

так, словно совершил все грехи мира разом.

Заметив, как в глазах премьер-министра медленно разгорается тень улыбки, Лу Силай спохватился, боясь выдать себя.

— Хозяин, сколько раз повторять: я — Линь Яньдун!

Улыбка в глазах Янь Шэня мгновенно погасла. Он уже хотел было проучить наглеца за его строптивость, но вспомнил о банкете. Сменив несколько масок за долю секунды, он гневно фыркнул и стремительно удалился.

Лу Силай остался стоять в одиночестве, ошарашенно глядя ему вслед.

Та улыбка в глазах Янь Шэня... она была настоящей.

«Только вот... достоин ли я её?»

Если бы он действительно был тем простым торговцем из деревни Сяолян, что спас Янь Шэня в заснеженной глуши, всё было бы куда проще.

В ночном саду воцарилась тишина. Лу Силай наконец позволил себе на миг расслабиться.

Да, он просто мечтал. Не более.

«В любом случае, не сбежать сейчас — значит быть полным идиотом»

Покончив с меланхолией, Лу Силай засучил рукава и, опираясь на костыль, двинулся к воротам Поместья Государственного дяди, полагаясь на свою память. Он шел крайне осторожно: здесь собрались и премьер-министр, и князь, и наследный принц — любой из них мог стереть его в порошок.

Не успел он найти нужную тропу, как послышались торопливые шаги. Лу Силай мгновенно юркнул за круглую арку.

— Нашли его?

— Господин, здесь никого!

— Куда мог деться какой-то книжный червь?! Стража у ворот говорит, что никто не выходил.

Прижавшись спиной к холодной стене, Лу Силай осторожно выглянул. Дело дрянь: это был Ван Чэн, командир гвардии Восточного дворца.

Как и следовало ожидать, ядовитый характер наследного принца не позволил ему проглотить обиду. Лу Силай его укусил, остался жив, и теперь принц жаждал крови. «Если меня найдут, костей не соберут», — подумал он, чувствуя, как холодный пот катится по спине. Он боялся даже дышать.

— Вы двое, проверьте западный двор.

«Западный двор? Откуда я только что пришел?» — Лу Силай облегченно выдохнул. Он возвел глаза к небу, беззвучно благодаря всех богов, и только тогда заметил то, что было перед ним.

Он осмотрел сад и... замер.

В центре сада, у самого берега озера, сидел юноша лет пятнадцати-шестнадцати и безучастно смотрел прямо на него. Черты его лица еще не обрели мужской резкости, а выражение казалось несколько заторможенным, но это не могло скрыть его врожденного благородства. Огромные, но пустые глаза — истинно императорский взор. На голове серебряный венец, на плечах — белоснежные одежды. В лунном сиянии Лу Силай на миг потерял дар речи.

«В такой глуши... неужели я встретил небожителя?» — Лу Силаю стало нестерпимо стыдно: наверняка этот прекрасный юноша видел, как нелепо и трусливо он прижимался к стене.

...Стоп! О чем он думает?! Лу Силай готов был проклясть свою похоть: жизнь висит на волоске, а он любит красоту под луной! Нужно что-то делать!

Юноша тем временем отвел взгляд от Лу Силая и посмотрел на гвардейцев Восточного дворца, столпившихся за аркой.

Лу Силай запаниковал и совершил совершенную глупость. Он резко прижал палец к губам и издал долгое:

— Тсс-с...

— Что за звук?!

Гвардейцы, едва не задев притаившегося Лу Силая, гурьбой ввалились в арку. У него сердце ушло в пятки. «Если хоть один обернется — мне конец!»

Понимая, что нельзя просто ждать смерти, он на дрожащих ногах сделал шаг в сторону.

—...Девятый принц?

Узнав юношу у озера, Ван Чэн вспомнил, что, хоть Чжао Ишу и не имеет веса при дворе, он всё же господин. Гвардейцы повалились на колени.

— Приветствуем Девятого принца.

Пока воины склонялись в поклоне, Лу Силай поверх их голов встретился взглядом с белолицым юношей. Он почувствовал, как сердце забилося чаще, глядя в глубокую тьму пустых глаз — наполовину от страха, наполовину от трепета перед этой безжизненной красотой.

«Девятый принц?.. Пока премьер-министр пирует, он сидит здесь в одиночестве. Видимо, просто ненужная пешка в борьбе за власть»

Пока Лу Силай размышлял, юноша наконец заговорил:

—...Можете встать.

Толпа заслонила юношу от взора Лу Силая. Поняв, что принц его не выдал, он почувствовал прилив благодарности и поспешно спрятался с другой стороны арки. На этот раз он был хитрее: затаился в кустах и наблюдал через резное каменное окно.

— Девятый принц, не видели ли вы подозрительного книжника?

—... — Последовало долгое молчание, словно принц переваривал вопрос. — Не видел. — Он действительно скрыл его. Лицо юноши осталось таким же безучастным, и спустя мгновение он добавил: — А что случилось?

Ван Чэн, привыкший к заторможенности принца, терпеливо пояснил:

— Этот наглец прилюдно назвал государственного дядю по имени и до крови укусил наследного принца за руку.

Чжао Ишу выслушал это без удивления и гнева, лишь тихо обронил: «О».

Лу Силай продолжал наблюдать, как вдруг послышались новые шаги. Сердце замерло. Обернувшись, он увидел наследного принца — человека с лицом ангела и душой змеи. Тот в сопровождении слуг направлялся к арке.

— Меня укусила тварь, а девятый братец, видать, и рад!

В его голосе не было злобы на Чжао Ишу — он просто вымещал на слабом свою ярость, не найдя другого выхода.

«Это всё из-за меня», — Лу Силай сглотнул слюну и, затаив дыхание, приник к окну.

Принц в роскошных бирюзовых одеждах подошел к младшему брату и наотмашь ударил его по лицу.

— Глаза б мои не видели это бревно!

Лу Силай вздрогнул.

Он слышал, что вражда между братьями в императорской семье — обычное дело, но разве это можно назвать братством? Не знай он, кто этот юноша, он бы принял его за маленького евнуха, попавшего под горячую руку господина.

Оба — принцы, но пропасть между ними была бездонной.

«Дворец — гнилое место. Под золотыми крышами в шелках ходят одни лишь звери»

Девятый принц отшатнулся и мгновенно покраснел от унижения. Оцепенение на его лице сменилось робким страданием.

—...Шестой брат, это государственный дядя Лян велел мне прийти, — пролепетал он, пытаясь оправдаться.

Лу Силай уже хотел бежать, но, увидев поникшие плечи и покорный взгляд юноши, почувствовал, как сердце сжалось. Сказать по совести — он не мог бросить ребенка в беде. А если по правде — тот только что спас ему жизнь.

«В конце концов, что я за мужчина, если не могу защитить такую хрупкую красоту!»

Стиснув зубы, Лу Силай нащупал на земле горсть мелких камней.

Наследный принц и не думал слушать оправданий. Он толкал брата, выплескивая на него всю желчь, а его слова становились всё гнуснее:

— Дядя велел... Ты — мой девятый брат! Сын жалкой наложницы... Да как ты смеешь вообще...

Слушая этот поток грязи, Лу Силай нахмурился. Кончики его пальцев шевельнулись, и первый камень со свистом улетел в цель.

В то же мгновение Ван Чэн, стоявший подле принца, совершил нечто невообразимое. Он непроизвольно и хлестко ударил принца по щеке. Удар был не сильным, но острый ноготь оставил на «фарфоровом» лице кровавую царапину.

Все присутствующие в саду застыли с широко раскрытыми глазами.

Командир гвардии в ужасе уставился на свои руки, собираясь оправдаться, но вдруг почувствовал резкий удар в локоть. Его рука снова дернулась, и — хлоп! — вторая пощечина пришлась точно в цель.

На этот раз наследный принц окончательно пришел в себя. Его глаза налились кровью, и он взревел:

— ВАН ЧЭН!!!

«Последний», — пообещал себе Лу Силай и выпустил еще один камень.

— Хлоп! — Гвардеец, стоявший чуть ближе остальных, непроизвольно вскинул руку и отвесил принцу звонкий подзатыльник.

Воин сам перепугался до смерти и в ужасе отпрянул в толпу.

Принц, окончательно потеряв рассудок, бросился на своих людей:

— Кто это был?! Кто посмел меня ударить?!

Лу Силай ухмыльнулся. Ситуация становилась слишком забавной, чтобы останавливаться.

Забыв о своем обещании, он легким движением руки отправил оставшиеся камни в разные цели.

Теперь каждый, кто стоял рядом с принцем, внезапно начинал размахивать руками. Удары были беспорядочными и слабыми, но их было так много, что принц, осыпaeмый градом «пощечин», совершенно дезориентировался.

Ван Чэн, будучи опытным воином, среди общего хаоса уловил едва слышный стук падающих камней. Пораженный, он огляделся по сторонам.

Лу Силай понял: пора делать ноги. Подхватив костыль, он во весь дух припустил прочь. Не успел он отбежать далеко, как за спиной раздался яростный рев Ван Чэна:

— ЗДЕСЬ КТО-ТО ПАКОСТИТ!

<http://bllate.org/book/17426/1692687>